

Выдающийся деятель музыкального искусства современности, Герберт фон Караян, отпраздновал свой восьмидесятилетний юбилей. Дирижер, убежденный пропагандист симфонической музыки, Караян внес бесценный вклад в сокровищницу мировой культуры. Он много раз бывал и в Советском Союзе, где немало поклонников его творчества.

«САНДИ ТАЙМС», ЛОНДОН.

ДВА КАЧЕСТВА присущи Герберту фон Караяну: мастерство дирижера и тираническая воля, которой он подчиняет все, к чему бы ни прикасался. И, возможно, благодаря именно этим чертам свое 80-летие Караян встречает в качестве самого известного в мире дирижера.

Впрочем, вопрос о том, действительно ли он величайший дирижер эпохи, — это предмет ожесточенных споров. Но вот то, что Караян наиболее могущественный за всю историю музыки организатор, — это вне всякого сомнения.

Если попытаться найти единственное, что наиболее полно характеризует Караяна, то самым точным будет, пожалуй, беззаветная преданность. Преданность своему пониманию музыки и стремлению к высшему совершенству. Преданность своему оркестру — (Западно) Берлинской филармонии. Преданность множеству молодых певцов и музыкантов, которых он воспитал, и, должны мы добавить, беззаветная преданность своей собственной карьере.

Критик журнала «Грэмфон» Ричард Ошборн писал: «В интерпретации Караяна музыка открывается во всей ее подлинности и чистоте. Ему удается то, чего не может сделать ни один из живущих ныне дирижеров. Он подобен художнику-ре-

ставратору, который снимает слой за слоем чужеродные пласти краски и открывает нам замысел автора в его первозданной свежести. В музыке Караяна нет ничего привнесенного извне».

«Санди таймс» устали Дэвида Кэрнса утверждает, что «звучание, которого Караян добивается от оркестра, в высшей степени превосходно. В нем и гармония, и отшлифованность, и красота, но нет в нем пламени сердца».

С таким упреком явно не согласен флейтист Джеймс Гэлвэй, который с 1969 по 1975 год играл в оркестре Герберта фон Караяна. «Каждое выступление Караяна, — говорит он, — это всегда блистательный фейерверк. Но прежде всего он величайший учитель того, как надо делать бизнес в музыке. В музыкальном училище вас могут научить играть, но никто не научит вас, как добиться успеха. В этом деле нет лучшего наставника, чем Караян».

Сын врача из Зальцбурга, Караян еще в детстве проявил выдающиеся музыкальные способности. Он учился в Моцартеуме (музыкальная школа, названная в честь Моцарта. — Ред.). В 19 лет он впервые встал за дирижерский пульт в оперном театре Ульма. Здесь он очень скоро проявил свою склонность добиваться во всем высшей степени совершенства. Вспоминают, что он настолько серьезно относился к своей работе, что даже лично сопровождал тележку, на которой привозили в театр музыкальные инструменты. Говорят, его уволили из театра за то, что он был «слишком талантливым». После этого он занял куда более престижное место в оперном театре в Ахене. Но к

Рис. «Санди таймс», Лондон.

тому времени в его жизни и карьере сыграло определенную роль и обстоятельство иного рода — Герберт фон Караян стал членом нацистской партии.

Он всегда утверждал, что вступил в партию в 1935 году из чисто прагматических соображений и только для того, чтобы сохранить за собой работу в Ахене. Биограф дирижера Роджер Вохен, однако, установил, что Караян оказался в рядах нацистов в 1933 году, на два года раньше, чем это, с оговорками, конечно, могло стать для него неизбежной необходимостью. Несомненно, нацисты в 30-е годы ускорили его продвижение вверх, хотя столь же достоверно и то, что позже они всячески препятствовали Караяну. Утверждают, что Гитлер счел дирижера высокомерным выскочкой. В свою очередь, Караян называл нацистское руководство не иначе как неотесанными мужланами и «тугенотами».

«Лейте ему расплавленный свинец под ногти, но и тогда он ничего не расскажет о том, чем он занимался в годы войны», — говорит Вохен. Клеймо осталось. В то время как другие музыканты, работавшие при нацистах, довольно быстро получили прощение, Караяну никогда не позволяли забыть о его прошлом.

В реабилитации дирижера большую роль сыграл ныне уже покойный Уолтер Лигги — в те годы художественный директор фирмы «Грэмфон», позднее «EMI». Именно он пригласил Герберта фон Караяна в 1948 году на гастроли в Великобританию. «Правда заключается в том, — заметил однажды Лигги, — что Караян не интересуется никакой иной политикой, кроме как музыкальными вариациями. И в этом он непревзойденный мастер».

В 1955 году Караян сменил легендарного Вильгельма Фуртвенглера на посту главного дирижера симфонического оркестра (Западно) Берлинской филармонии. Караян был убежден в том, что выдающаяся оркестровая музыка возникает только в результате долгой совместной работы оркестрантов и дирижера. Вот почему он настоял на том, чтобы стать пожизненным дирижером оркестра. Звезда Караяна возшла в 50—60-е годы, и вместе с известностью умно-

жалось и его могущество. Возглавив филармонию, он усердно старался создать своему оркестру репутацию лучшего в мире. Он добился того, что его музыканты имеют наилучшие инструменты и самые высокие заработки. В обмен на это он использовал оркестр, ставший опорой в строительстве его собственной империи.

Караян был одним из главных дирижеров «Ла Скала», директором Венской государственной оперы и главным дирижером Венского филармонического оркестра, директором Зальцбургского фестиваля и музыкальным руководителем Лондонской филармонии. Он занял столько постов в музыкальном мире, что заслужил прозвище «музыкальный директор Европы». Караян основал свою собственную музыкальную школу и свой собственный исследовательский институт. Короче, Караян, опираясь на свое положение в обществе и богатство, добился полной независимости от диктата правительственных учреждений, импресарно и компаний звукозаписи. Караян делает то, что ему нравится.

Караян безошибочно угадал перспективы, которые открывает современная техника звукозаписи. Проницательная догадка стала краеугольным камнем его карьеры. Раньше других он увидел огромный потенциал индустрии звукозаписи, чему в немалой степени способствовала увлеченность Караяна достижениями современной технологии и его бесподобная деловая смекалка. Он шел в авангарде всех начинаний в этой области — от стереозаписи до компакт-дисков. Сегодня нет в мире ни одного дирижера с таким огромным архивом звукозаписей, как у Караяна. На его счету более 800 записей, разошедшихся по свету тиражом свыше 100 миллионов копий. Произведения из своего основного репертуара Караян записал по меньшей мере дважды. В последние годы он расширил сферу своих интересов и занялся созданием и продажей фильмов — а сегодня и видеокассет, на которых запечатлены его выступления. Трудно понять, чего здесь больше: бизнеса или тщеславия. Но тем не менее благодаря Караяну наши потомки смогут увидеть самые выдающиеся симфонические произведения в исполнении лучших мастеров XX века.

В своих фильмах Караян столь же эксцентричен, как и в музыке. Он, например, не любит бородатых и лысых. Поэтому пришедших к нему не по вкусу оркестрантов он оставляет либо за кадром, либо заставляет их изменить внешность во время съемок. Один из бывших членов его оркестра заметил по этому поводу: «Караян платит музыкантам столько, что, если ему понадобится, они нарядятся клоунами».

Во многом же Герберт фон Караян очень практичный человек, не склонный к витанию в облаках. Живет он очень скромно в сельском доме неподалеку от Зальцбурга со своей третьей женой — Эльзетт Мурз. У них две дочери. Караян занимается йогой, а когда был помоложе, страстно и вполне профессионально увлекался парусным спортом и лыжами. Ему нравится испытывать самого себя, и в любом деле он стремится к мастерству.

В 1975 году с ним произошло несчастье. Катаясь на лыжах, Караян упал и повредил позвоночник. Травма причинила ему немалые страдания. С тех пор он уже не может выйти к дирижерскому пулту прежним размашистым шагом. Едва передвигая ноги, он старчески шаркает по сцене, и это еще один его вызов судьбе.

В одном из последних интервью журналу «Грэмфон» Герберт фон Караян рассказал о своем выступлении в Вене в первый день 1987 года. Тот концерт он называет «поворотным пунктом в жизни».

Караян вспоминает, что на протяжении нескольких месяцев перед выступлением его мучила острая боль, он лишился сна и находился в крайне подавленном состоянии. Но за три недели до концерта он начал прослушивать старые записи, пытаясь найти свежие повороты темы. Он погрузился в работу с головой.

«Неожиданно, — говорит Караян, — я ощутил, что становлюсь совершенно другим. Когда я вышел к оркестру, мне не было нужды что-либо объяснять. Я слышал только музыку. Она вернулась ко мне и была в сто раз лучше. Только музыка способна сделать меня счастливым».